

**БЕРРЕХАБ (BERRENAВ)
ПРОТИВ НИДЕРЛАНДОВ**

Судебное решение от 21 июня 1988 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

В 1977 г. г-н Абдулла Беррехаб, гражданин Марокко, заключил брак с г-жой Соней Костер, гражданкой Нидерландов. Их дочь Ребекка, также гражданка Нидерландов, родилась в 1979 г. В связи с тем, что родители Ребекки расторгли брак незадолго до ее рождения, власти Нидерландов отказались возобновить г-ну Беррехабу вид на жительство, предоставленный ранее в соответствии с Законом об иностранцах от 13 января 1965 г., и в 1984 г., после того как он проиграл процесс в Государственном совете, выслали его из Нидерландов. Г-н Беррехаб и его дочь обратились с жалобой на последствия этих двух решений властей для их семейной жизни.

В 1985 г. г-н Беррехаб и г-жа Костер повторно вступили в брак. На основании этого г-ну Беррехабу было разрешено находиться в Нидерландах “для проживания с голландской женой и возможности работать в течение этого времени”.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 14 ноября 1983 г., заявитель и его бывшая жена, действуя от своего собственного имени и в качестве опекуна дочери, утверждали, что высылка г-на Беррехаба явилась актом, унижающим человеческое достоинство в смысле статьи 3 Конвенции, а также нарушением статьи 8. Жалоба была признана частично приемлемой 8 марта 1985 г.

Не сумев добиться мирового соглашения, Комиссия 7 октября 1986 г. подготовила доклад, в котором установила факты и пришла к выводу о нарушении статьи 8 (одиннадцатью голосами против двух). Комиссия не усмотрела нарушения статьи 3 Конвенции (единогласно).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 8

19. В соответствии с утверждением заявителей отказ от предоставления г-ну Беррехабу нового вида на жительство после расторжения брака и, как

результат, постановление о высылке его из страны являются нарушением статьи 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

Правительство оспорило это утверждение, однако Комиссия с ним согласилась.

А. Применимость статьи 8

20. Заявители утверждают, что возможность применения статьи 8 в части “права на уважение... личной и семейной жизни” не предполагает постоянного совместного проживания. Осуществление отцом права встречаться со своим ребенком и его участие в расходах на образования ребенка являются достаточным основанием для установления факта семейной жизни.

Правительство не согласилось с таким выводом, однако Комиссия приняла его.

21. Суд также не рассматривает совместное проживание как *sine qua non* семейной жизни родителей и малолетних детей. Суд считает, что отношения между супругами, возникшие вследствие законного и подлинного брака, подобные отношениям между супругами Беррехаб, должны рассматриваться как “семейная жизнь” (см. решение по делу Абдулазиза, Кабалиса и Балкандали от 28 мая 1985 г. Серия А, т. 94, с. 32, п. 62). Из понятия семьи, на котором основывается статья 8, следует, что ребенок, рожденный от подобного союза, является *ipso jure* его участником. Следовательно, с момента рождения ребенка и в силу самого этого факта между ребенком и его родителями возникают отношения, подпадающие под понятие “семейная жизнь”, даже если родители не живут вместе.

Конечно, последующие события могут нарушить такие отношения, однако в данном конкретном случае все обстояло иначе. Действительно, г-н Беррехаб и г-жа Костер, расторгнувшие брак, не жили вместе во время рождения дочери и не возобновили совместное проживание после этого. Тем не менее факт, что до высылки из Нидерландов г-н Беррехаб виделся с дочерью четыре раза в неделю, причем каждая встреча длилась по несколько часов. Частота и регулярность свиданий с дочерью (см. п. 9 *in fine* выше) доказывают, что г-н Беррехаб придавал им очень большое значение. Поэтому Суд не может согласиться с тем, что между заявителями была прекращена “семейная жизнь”.

В. Соблюдение статьи 8

1. Статья 8 п. 1

22. По утверждению заявителей, отказ от предоставления г-ну Беррехабу нового вида на жительство после расторжения брака и последовавшая за этим высылка его из Нидерландов являются нарушением права на уваже-

ние семейной жизни заявителей, особенно с учетом расстояния между Нидерландами и Марокко, а также финансовых трудностей, возникших у г-на Беррехаба в связи с высылкой на родину.

Правительство заявляет, что ничто не препятствует осуществлению г-ном Беррехабом своего права на общение с дочерью, если он будет приезжать из Марокко в Нидерланды по временной визе.

23. Как и Комиссия, Суд признает, что в данном конкретном деле такая возможность существовала разве что теоретически. Более того, виза г-ну Беррехабу была выдана только после первоначального отказа (см. п. 12 выше). Таким образом, оба рассматриваемых обстоятельства в действительности не давали заявителям возможности регулярно встречаться друг с другом, хотя такие встречи были существенно необходимыми для малолетнего ребенка. Соответственно, действия властей являются нарушением права, гарантированного статьей 8 п. 1, и должны рассматриваться в контексте п. 2 этой статьи.

2. Статья 8 п. 2

(а) “Предусмотрено законом”

24. Суд констатирует, и это было заявлено Правительством и Комиссией, что принятые властями меры основаны на Законе 1965 г. Заявители этого не оспаривали.

(b) Правомерная цель

25. По утверждению заявителей, вмешательство властей не преследовало ни одну из правомерных целей, указанных в п. 2 статьи 8 Конвенции. В частности, оно не служило “экономическому благосостоянию страны”, поскольку лишало г-на Беррехаба возможности продолжать оказывать материальную помощь своей дочери в деле ее воспитания и получения образования.

Правительство считает, что высылка г-на Беррехаба из Нидерландов была необходима в интересах поддержания общественного порядка, и утверждает, что таким образом был достигнут весьма существенный баланс между различными интересами.

Комиссия отмечает, что оспариваемые решения властей соответствуют иммиграционной политике Нидерландов и поэтому могут рассматриваться как принятые ради достижения законных целей, таких как предотвращение беспорядков и защита прав и свобод других лиц.

26. Суд пришел к аналогичному заключению. Однако Суд указал на то, что преследуемая Правительством правомерная цель заключалась именно в сохранении экономического благосостояния страны в смысле статьи 8 п. 2 Конвенции, а не в предотвращении беспорядков. Правительство действительно было обеспокоено необходимостью регулирования рынка труда в связи с ростом населения страны.

(с) “Необходимо в демократическом обществе”

27. Заявители утверждают, что рассматриваемые действия властей не могут считаться “необходимыми в демократическом обществе”.

Правительство отклонило этот довод, однако Комиссия согласилась с ним. Комиссия придерживается того мнения, что вмешательство властей, на которое жалуются заявители, было несоразмерным: власти не смогли обеспечить надлежащий баланс между интересом заявителей поддерживать контакты и общаться и общим интересом защиты публичного порядка.

28. При определении того, являлось ли такое вмешательство “необходимым в демократическом обществе”, Суд принимает во внимание пределы усмотрения, которые оставлены за Высокими Договаривающимися Сторонами (см., в частности, решение по делу *W. против Соединенного Королевства* от 8 июля 1987 г. Серия А, т. 121-А, с. 27, п. 60 (b) и (d), и решение по делу *Олссон* от 24 марта 1988 г. Серия А, т. 130, с. 31—32, п. 67).

В этой связи Суд согласен с тем, что Конвенция в принципе не запрещает Высоким Договаривающимся Сторонам регулировать вопросы въезда в страну и сроки пребывания в ней иностранцев. Однако согласно сложившейся судебной практике (см. *inter alia* ранее упоминаемые судебные решения), “необходимость” вмешательства должна основываться на насущной потребности общества и быть соразмерной правомерной цели.

29. Призванный контролировать соблюдение этого последнего условия, Суд отмечает, что в его функции не входит оценивать иммиграционную политику Нидерландов. Он не оспаривает право страны устанавливать порядок проживания в ней иностранцев. Суд должен проанализировать лишь вмешательство, являющееся предметом жалобы. Он должен рассмотреть его не только в плане иммиграции и проживания в стране иностранцев, но также и с учетом наличия у заявителей взаимного интереса продолжить свои отношения. Как отметил Кассационный суд Нидерландов (см. п. 16 выше), преследуемые властями правомерные цели должны быть сопоставлены со степенью серьезности вмешательства в право заявителей на уважение их семейной жизни.

Относительно преследуемых властями целей необходимо подчеркнуть, что данное дело касается не иностранца, пытающегося въехать в Нидерланды впервые, но человека, жившего в стране на законных основаниях в течение ряда лет, имевшего там дом и работу и к которому у Правительства не было претензий. Более того, г-н Беррехаб создал в Нидерландах семью. Он вступил в брак с гражданкой Нидерландов, и от этого брака родился ребенок.

Относительно степени вмешательства властей необходимо отметить, что между г-ном Беррехабом и его дочерью в течение нескольких лет существовали очень тесные отношения (см. п. 9, 21 выше). В этой связи отказ в выдаче ему нового вида на жительство и последующая высылка из страны грозили разрывом этих отношений. Последствия вмешательства властей были весьма серьезными в связи с тем, что Ребекке необходимо было постоянное общение с отцом, особенно учитывая ее весьма юный возраст.

Исходя из конкретных обстоятельств, Суд считает, что не был достигнут надлежащий баланс между интересами сторон и что по этой причине отсутствовала соразмерность между примененными властями мерами и преследуемыми правомерными целями. В силу этого Суд не может признать действия властей необходимыми в демократическом обществе. Таким образом, Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 8.

II. О предполагаемом нарушении статьи 3

30. Заявители утверждают, что отказ властей предоставить г-ну Беррехабу новый вид на жительство после расторжения брака и его последующая высылка из Нидерландов являются нарушением статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

По утверждению Правительства в жалобах заявителей не содержится информация о жалобах заявителей в отношении нарушения властями данной нормы права.

По мнению Комиссии, факты дела не свидетельствуют о том, что кто-либо из заявителей подвергся страданиям в той степени, какая соответствовала бы понятию “бесчеловечного” или “унижающего достоинство” обращения.

31. Суд разделяет эту точку зрения и не усматривает нарушения статьи 3 Конвенции.

III. Применение статьи 50

32. Статья 50 Конвенции гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из... Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Заявители, которым в Комиссии и Суде была предоставлена судебная помощь, не ставили вопроса о компенсации судебных издержек и расходов. Однако они требовали возмещения ущерба за понесенные ими финансовые убытки, а именно: неполучение г-ном Беррехабом заработной платы (31 429,56 гульдена) с апреля 1983 г. по май 1985 г. в результате его увольнения с работы после отказа в выдаче нового вида на жительство и отсутствия возможности найти работу у себя на родине в Марокко, а также 4700 гульденов — стоимость поездки Ребекки Беррехаб и ее матери в Марокко в июле 1984 г. и г-на Беррехаба в Нидерланды в мае 1985 г. (см. п. 12, выше). Заявители также претендуют на возмещение (без указания конкретного размера) за понесенный моральный вред, связанный с их вынужденной разлукой.

33. Правительство не видит причинной связи между действиями властей и ущербом, на возмещение которого претендуют заявители. Комиссия согласилась с этим мнением в отношении неполучения г-ном Беррехабом заработной платы, однако посчитала оправданной частичную компенсацию транспортных расходов. Было также признано, что г-н Беррехаб и Ребекка понесли убытки, не выражаемые в денежном исчислении. По данному вопросу Правительство не высказало своей позиции.

34. Суд разделяет точку зрения Комиссии. С учетом требования статьи 50 о справедливой компенсации Суд выносит решение о выплате заявителям 20 000 гульденов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* шестью голосами против одного, что была нарушена статья 8 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что статья 3 Конвенции не была нарушена;
3. *Постановил* единогласно, что Нидерланды обязаны выплатить заявителям 20 000 (двадцать тысяч) голландских гульденов в качестве справедливой компенсации;
4. *Отклонил* единогласно остальные требования о справедливом возмещении ущерба.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 21 июня 1988 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф Рисдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 52 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается особое мнение г-на Тора Вильямсона.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОРА ВИЛЬЯМСОНА

К сожалению, не могу согласиться с моими коллегами, признавшими нарушение статьи 8 Конвенции в данном деле. Я могу подписаться под решением Суда, за исключением пункта 29. В связи с этим нет необходимости касаться вопросов, где я разделяю мнение большинства членов Суда, а именно в том, что заявители вели семейную жизнь, что к первому заявителю г-ну Абдулле Беррехабу власти применили Закон об иностранцах 1965 г. и другие соответствующие правовые положения, а также в том, что законодательство преследует правомерные цели. Остается еще вопрос о том, являлось ли вмешательство властей “необходимым в демократическом обществе”. Как я уже указал, у меня нет замечаний по позиции Суда в данном вопросе, которая изложена в п. 28 решения. Что касается окончательного вывода о том, была ли нарушена статья 8 Конвенции, то в этой связи хотелось бы высказать следующие соображения.

Политика Нидерландов в рассмотренных нами вопросах изложена в обстоятельных правовых документах, которые входят составной частью в Закон 1965 г. и поправки к нему и основаны на положениях этого Закона и поправок к нему. Поправки вносились в Закон по мере накопления опыта. При этом власти стремились предоставить иностранным гражданам, связанным семейными узами с гражданами Нидерландов, возможность проживания в Нидерландах. Как было сказано выше, эти нормы преследуют правомерные цели. Можно добавить, что вопросы иммиграции и проживания иностранцев представляются очень важными, и, безусловно, введение здесь определенных ограничений неизбежно. В общем и целом в данной сфере деятельности Правительство при разработке своей политики и правовых норм должно располагать широкими пределами усмотрения.

Именно с таким подходом должны соотноситься права, изложенные в п. 1 статьи 8 Конвенции. Перед нами два заявителя — отец и его дочь. Нидерланды должен был покинуть отец, и именно он вошел в правовые отношения с властями страны. Как указано в решении Суда, он и мать его

дочери вступили в брак, который, однако, был уже расторгнут к моменту рождения ребенка. Родители уже не жили вместе. Мать и первый заявитель договорились о том, что отец будет часто и регулярно видеться со своей дочерью. Мы должны допустить, что г-н Беррехаб так и поступал в течение рассматриваемого периода времени. В дополнение к этому, он был официально назначен опекуном своей дочери. Несмотря на их отношения, которые носили характер семейной жизни, я тем не менее считаю, что, поскольку в рассмотренный период времени заявители не жили вместе и родители ребенка не состояли в браке, права первого заявителя не перевешивали интересы государства-ответчика, признанные за государством статьей 8 п. 2. Этот вывод подкрепляется тем фактом, что отношения между двумя заявителями не были полностью прекращены после того, как первый заявитель покинул Нидерланды.

Что касается соблюдения прав второго заявителя (дочери), то мне представляется, что эти права не принимались во внимание властями Нидерландов, занятыми выяснением отношений с первым заявителем. По моему мнению, этот факт сам по себе не является нарушением статьи 8 Конвенции. Я придерживаюсь той точки зрения, что Суд должен давать отдельную оценку правам и интересам каждого заявителя независимо друг от друга. Следует принять во внимание, что второй заявитель был еще ребенком, когда ее отец был вынужден покинуть Нидерланды. Ее семейная жизнь с отцом проходила в ограниченных рамках договоренности между родителями. Мнение ребенка едва ли принималось в расчет в вопросах ее взаимоотношений с отцом. При этом государство-ответчик, со своей стороны, не могло изменить существующее положение дел путем какого бы то ни было позитивного действия. Таким образом, положение ребенка было весьма уязвимым и не-определенным. Я считаю, что этот факт является в данном деле аргументом в пользу государства-ответчика. С учетом описанной выше ситуации в семье я пришел к выводу о том, что положение с обеспечением прав только одного второго заявителя или с обеспечением совокупных прав обоих заявителей не свидетельствует о нарушениях статьи 8 Конвенции.

Следует отметить, что в соответствии со сложившейся практикой работы Суда, при голосовании по вопросам, содержащимся в статье 50 Конвенции, я исходил из того, что в данном деле имело место нарушение статьи 8, т. е. придерживался решения большинства.